

Анастасия Вертинская в последнее время нечасто показывалась публике. Перестала сниматься в кино, играть в театре. Ее последняя роль в "Мастере и Маргарите" - фильме, который так никто и не увидел. Говорили, что периодически она уезжает в Париж, где вместе с Калитиным ведет школу актерского мастерства. Чаше можно было услышать о ее сыне - клипмейкере Степане Михалкове.

И вот Вертинская появилась вновь - представ на этот раз в роли телеведущей. На ОРТ вышла ее первая авторская программа - "Золотое сечение". Так будет называться цикл передач, посвященных людям самых необычных взглядов и неординарной судьбы. Герой первой программы - "король рекламы" Жак Сагилла, человек, выстроивший политический имидж Миттерана и Валенсы и дававший советы Хусейну и Горбачеву. "Я верю в личность, - говорит Вертинская. - Поэтому и решила сделать галерею портретов людей, которые никогда не жили так, как все".

...В ее квартире розовые диваны. На стенах - фотографии от-

Фото Влада Локтева

В жизнь Анастасии Вертинской вмешался Фрейд

Каме.
правда -
1996.
2 марта - е.ч.

Самая прекрасная и загадочная дама нашего киноэкрана интервью дает крайне редко. Читайте, что вам и вашему корреспонденту очень повезло

ца. Волнистый попугайчик Антоша пикирует входящим на плечо...

Она сама никогда не жила так, как все. Свободная, гордая, одинокая. Читает, пишет, сочиняет - самодостаточно.

А еще она по-прежнему ослепительна.

- Когда вы поняли, что вы красивая женщина?

- Я? Иногда красивая, иногда некрасивая. Придешь усталая, с грязными волосами и думаешь - скорей бы завтра. Ну а бывает, что отдохнешь да еще идешь куда-то, там люди, смотрят на тебя. Думаешь: может, действительно еще красивая. Но на самом деле мне все равно.

- Прекрасная внешность - во все не синоним счастья?

- Если Господь Бог дал тебе внешность - это вознаграждение. Авансом - потому что ты еще ничем это не заслужил. Дальше начинается жизнь, и самое страшное, что происходит с красивой внешностью, - это когда сквозь нее начинает проступать сволочное выражение лица. Это значит, что ты шел, не разбирая, куда ступает копыто твоего коня. Такие лица я видела. "Портрет Дориана Грея" - провидческое произведение. Но посмотрите на лицо Тамары Макаровой - она прекрасна. В ее лице благородство. Любуйся возрастом имеет свой смысл... Так что, конечно, за внешностью я стараюсь следить, но больше я стараюсь следить за "внутренностью".

- Для многих мужчин вы самая настоящая женщина-мечта: красивая, сильная, недоступная, недосказанная, практически неземная. Наверно, с таким имиджем трудно жить?

- Действительно, доступной я себя назвать не могу. Даже в силу того, что я очень замкнуто живу. Что же касается впечатлений обо мне - наверно, оно связано и с теми романтическими ролями, что я сыграла, и с моей биографией, и с моими родителями. Но вряд ли можно стать актрисой, пребывая в эйфории. Я прошла очень жестокую жизнь. Отец умер, когда мне было 12 лет, и меня никто не протектировал. Я стала сниматься в 15 и все свои деньги отдавала маме. Очень рано начала концерттировать, ездила с актерскими бригадами в плацкартных вагонах по всей стране. Потом гастроли "Современника". И опять заработки - все время 12.80 за концерт. Помню, как однажды после огромного количества концертов приехала домой, встала в дверях - и тут же раздался звонок: мне предлагали еще 20 концертов. И я заплакала. Ничего не говорила, только чувствовала, что больше не могу.

Я все время вспоминаю отца. Как он кочевал, гастролировал и безумно любил дом. Его любимая мизансцена - в кресле с чаем, а любимый костюм - халат и тапочки. Я его очень понимаю.

- Поэтому вы нигде и не появляетесь - ни на премьерах, ни на кинофестивалях. То, что называется "светской жизнью", вас не интересует?

- Один мой знакомый обожает "оперЭтту". Каждый раз рассказывает: "Это было шикарно, изумительно". Я предполагаю, что наша оперетта деградировала, но он ее любит. Так вот: если ты любишь "оперЭтту", ты можешь все эти мероприятия посещать. А я не люблю, мне скуч-

но. И страшно, что я потеряла вечер.

Я по складу скорее Татьяна Ларина. Мне бы хватило усадьбы и усадебных интересов и укладов. Хватило бы альбомов, в которые записывались бы стихи, и библиотеки, в которую можно было бы залезть. Я иногда даже мечтаю: вот усадьба, лес, пруд. Вот зима. И я говорю: "Пошли-ка, Маша, кучера к Марианне Александровне. Пусть ее привезет, будем с ней чаевничать!" Потом спускаюсь в погреб, накладываю из бочки моченой брусники, огурчиков соленых, тут же телячья нога висит. Чай завариваю. И мы долго-долго чаевничаем и разговариваем.

- В Париже вы тоже живете замкнуто?

- Нет, там я дома не сижу. Это же культурная Мекка: каждый день столько спектаклей, выставок. Но большую часть времени я провожу здесь. У меня тут очень много дел. Во-первых, благотворительный фонд русских актеров. Ты выясняешь, как достать деньги для бедных людей, кому нужна помощь, кто лежит на операции. Разбираю завалы души - так, наверно. Иногда ловлю себя на том, что еду и глупо улыбаюсь, потому что удалось кому-то помочь. Зато я много и узнала - например, что богатые люди предельно бездушны... Потом - веду папины дела. Вышел уже второй диск Вертинского. Одновременно начались и бесконечные суды, потому что половина выходящих сейчас изданий - пиратские, с искажениями, перевранными фразами.

- Вы все время вспоминаете Вертинского. Наверно, когда имеешь такого необыкновенного отца, потом всю жизнь пытаешься встретить сильного, неординарного мужчину. И сталкиваешься с разочарованиями?

- По Фрейду это именно так. Но я совершенно не поклонник Фрейда. Я, как и Набоков, считаю, что он многое напутал. Думаю, что век жестоко поменялся, у людей появились иные мотивы поступков - и одних постулатов Фрейда мало.

Что касается моей личной жизни, думаю, Господь вообще лишил меня этой радости - быть счастливой в браке. Кстати, я поняла это довольно рано, после второго мужа. На самом деле есть женщины, рожденные для брака. Они без этого не могут: шум, дети, она что-то рассказывает ему, он ей. А я бы с ума сошла, если бы здесь еще кто-то ходил. Я люблю тишину, уединение.

- Любовь ваших родителей была идеальной?

- Моя семья была совсем иной. Мама намного моложе папы, на 30 с лишним лет. Может, по современным понятиям это нормально, но тогда это шокировало. И это был самый крепкий брак, какой только можно было представить. Папы постоянно не было дома, он гастролировал, зарабатывал денги, мама училась в суриковской школе живописи. Это не был брак, как у всех, - изо дня в день, после шести. Каждый мог принадлежать себе. Но когда папа появился дома, все менялось. Мы знали, что он ненадолго, что скоро опять уедет - и все откладывали свои дела, свои капризы. И не было в семье

скандалов, жлобства. Это действительно был дом, где хотелось находиться. Я помню, что, когда он приезжал, я шла вниз, покупала самое твердое мороженое, глотала его, чтобы заболеть и остаться дома - потому что папа дома.

- По характеру вы похожи на вашу маму?

- Она более беспомощная. Ей всегда нужен папин совет. А я всегда и все должна была решать сама. И за себя, и за маму, и за сестру, и за племянницу. - Казалось бы, такая женщина, как вы, должна просто порхать по жизни, не соприкасаясь с бытом...

- В России нет ни одной женщины, которая бы порхала. Да и в мире нет таких женщин. Даже принцесса Диана - и та переживает страшную личную драму. А я не принцесса Диана.

- В каких вы отношениях с сыном? И нравится ли вам то, чем он занимается?

- Конечно, он увлечен. И многого достиг. Они с Фелией Бондарчуком делают этот фестиваль клипов. Наверно, сами по себе они намного и глубже, и умнее - просто время очень трудное. Иногда они сидят и мечтают о том, как будут снимать фильмы.

- Вы рассказывали, что вечерами что-то пишете. Что именно?

- Всякие новеллы, сценарии, дневники. Никогда не понесу их публиковать. Просто я так воспитана: в прежние времена считалось, что это необходимо для саморазвития, для самоанализа...

- В предвыборную кампанию вас не приглашали выступить в поддержку какой-либо партии?

- Я была бы готова поддержать что-то светлое, разумное, прекрасное, но вижу лишь ситуацию тупика. Поэтому страшно удивляюсь, когда встречаю людей, горячо что-то поддерживающих.

- А вам самой приходится испытывать ощущение тупика, безысходности?

- Чувства безысходности я, слава Богу, не знаю. Если что-то случается, я мобилизуюсь. У меня был период - я не появлялась на экране, не появлялась на сцене. Но странная вещь: я, казалось бы, должна мучиться страшно и впасть в депрессию. Но ничего такого не произошло. Внутренней паники не было. Я просто подумала: значит, так надо, значит, я что-то накапливаю. Но если бы вы спросили, чего мне сейчас не хватает, я бы ответила: наркотика, называющегося альянс с талантливым режиссером.

- Вы сыграли и Ассоль, и Офелию, и Маргариту - это предел мечтаний для любой актрисы. Наверно, из-за этого вам так сложно и потому вы отвергаете все кинопредложения?

- На самом деле кинопредложения крайне редки. Если что-то и предложат, обязательно это будет что-то невнятное. Некоторые сценарии и читаю по три недели, снова и снова возвращаюсь к первому листку и вижу лишь бессмысленный набор печатных букв. А ведь это как в любви. Невозможно захотеть играть то, что не понимаешь.

- А роль телеведущей - она сложнее или проще, чем роль актрисы?

- Мне нравится все время что-то менять, придумывать. А тут я - почти как Алиса в Стране чудес. За каждой дверью - нечто новое.

Ирина ХМАРА